

УДК: 821.161.1-1:801.661

Ж.А. Кононова**«БАЛЛАДА РЕДИНГСКОЙ ТЮРЬМЫ» О. УАЙЛЬДА
В ПЕРЕВОДЕ К. БАЛЬМОНТА**

Проблемы диалога культур, восприятия творчества писателя национальными литературами стран мира являются актуальными проблемами современного литературоведения. Непреходящий интерес исследователей ко всем аспектам творчества О. Уайльда, к его философско-эстетическим воззрениям имел свой результат: целый поток научно-исследовательской литературы был посвящен его творческой биографии и литературному наследию, в том числе работы Тетельман А.И., Рауд Н.П., Ковалевой О.В., Куприяновой Е.С., Павловой Т.В., Добрицкой А.В.

Предметом особого внимания стали драматургия, эстетические манифесты и художественная проза писателя. При этом Уайльд-прозаик в определенной степени «затмил» Уайльда-поэта, в силу чего его поэтическое наследие не получило должного изучения. Между тем, О. Уайльд начал свой творческий путь как поэт и закончил его поэтическим произведением («Баллада Редингской тюрьмы»), и роль поэзии в его становлении как прозаика и драматурга трудно переоценить.

В настоящее время поэтическое творчество Уайльда стало привлекать внимание исследователей, поднимающих вопросы об истоках русского символизма, о соотношении в нем типологических черт поэзии рубежа веков, западного влияния и национальной самобытности. Представляет интерес и вопрос о своеобразии восприятия Уайльда отдельными русскими поэтами, что можно выяснить, опираясь на анализ конкретных поэтических текстов.

Цель данной статьи – определить особенности восприятия поэзии О. Уайльда в России; на основе анализа «Баллады Редингской тюрьмы» и ее перевода, выполненного К. Бальмонтом, выяснить

соотношение идейно-философских взглядов и поэтики английского и русского поэтов. Именно в процессе обсуждения проблемы точности переводимого текста и просветительской роли переводчика складывается понимание перевода как компаративной проблемы.

Предметом анализа стало последнее стихотворное произведение О. Уайльда «Баллада Редингской тюрьмы», которое ознаменовало переход поэта от воспевания красот тела, искусственных красот к теме страдания, красоте души. Именно в этом произведении в полной мере проявился поэтический талант Уайльда, что явилось причиной особого внимания к «Балладе» русской критики.

О значении «Баллады» в творческой эволюции Уайльда говорит один из первых русских критиков Уайльда-поэта Н. Берг, который характеризует ее как «зауспокойный рассказ о самом себе» [7, с. 73]. Высоко ценил поэтическое произведение Уайльда К. Бальмонт, считая, что «в поэме “Баллада Редингской тюрьмы” он изобразил ужасы неволи и чудовищной смертной казни с такой силой, какой не достигал до него ни один из европейских поэтов» [3, с. 551]. В «Литературных заметках» Ю. Айхенвальда Уайльд-поэт также рассматривается в связи с «Балладой Редингской тюрьмы» и темами, нашедшими отклик в «Балладе», такими как ужасы тюремного заключения и любви как причины убийства. «Баллада» для него – пример того, как «кровавые цветы желаний растут в саду неутолимой личности» [1, с. 164].

Об интересе к «Балладе» свидетельствует и тот факт, что в течение двадцати лет в дореволюционной России было сделано несколько переводов этого произведения. Первой переводчицей «Баллады» была Н. Корн (1903 г.). Затем вышли переводы «Баллады», выполненные К. Бальмонтом (1904 г.), А. Дейч (1910 г.), В. Брюсовым (1912 г.). В 1918 году Брюсов во вступительной статье к изданию своего перевода отметил основную тенденцию последних произведений Уайльда: «Его стиль стал ковано-твердым. О. Уайльд отошел от внешней красоты, чтобы выиграть в глубине и в стиле» [2, с. 260].

Таким образом, «Баллада» может рассматриваться как логически закономерное высшее достижение Уайльда-поэта. Главным ее достоинством является искренность и исповедальность: традиционная балладная форма наполняется новым содержанием – реальными событиями тюремной жизни О. Уайльда. В основе «Баллады» лежит трагическое событие, которое отвлекло Уайльда от собственных страданий – казнь некоего Чарльза Томаса Вулдриджа, убившего свою двадцатитрехлетнюю жену. По определению Г. Лотмана «Баллада» – это «единственное произведение О. Уайльда, порожденное могучим, мучительным вторжением внешних образов в его личную жизнь..., неповторимый документ высшего человеческого страдания и его величайшего торжества» [8, с. 18].

Обращаясь к традиционной форме баллады, Уайльд изменяет ее в соответствии со своими эстетическими принципами. Подобно народной балладе, произведение Уайльда повествует о последовательной связи драматических событий, которые раскрыты через кульминационные моменты. Следует, однако, отметить, что пафос «Баллады» Уайльда сосредоточен не столько на сюжете, сколько на моральной сути преступления, наказания, цене жизни и смерти.

Идея раскаяния и милосердия составляют идейно-философское содержание произведения Уайльда. Это обуславливает в нем те многочисленные лирические отступления, которые отсутствуют в народной балладе. Характерными для городской баллады того времени являются действующие лица «Баллады» – преступники, заключенные, и ее «декорации» – тюремный двор, виселица. Вполне традиционны многие эпитеты и метафоры – «алая и белая розы», выросшие на могиле героя как символ трагической любви. Каждый цвет имеет символическое значение: красный – кровь, серый – страх, синий – жизнь, свобода, белый – чистота Христа.

Произведение Уайльда двупланно: в нем присутствует традиционный балладный план, связанный с развитием сюжета, и философский план, объединяющий многочисленные отступления. К философскому плану относится и большая часть образов-метафор, как правило, символического характера (желтое лицо судьбы, часы,

тихое тиканье которых подобно ужасным ударам молота), и библейские образы (Каин, Кайафа, посох волхва).

Изучая переводы «Баллады» на русский язык, мы, прежде всего, исходили из того, что процесс перевода – это творческий акт, отражающий не только содержание и художественные особенности оригинала, но и авторский стиль самого переводчика, его мировоззрение и тип творческой личности. Выбрав для анализа перевод Бальмонта, мы задавались целью проследить, какое воздействие на перевод оказывает собственное поэтическое творчество переводчика. Ведь в случае, если переводчик является глубоко оригинальным поэтом, необычайно остро становится проблема взаимодействия в переводе творческих индивидуальностей поэта-переводчика и поэта-автора. При этом особый интерес для нас представляет передача жанрообразующих признаков, а также способов воссоздания переводчиком единства формы и содержания на новом языковом материале.

Относительно переводческой деятельности К. Бальмонта существует некая полярность оценок, в силу которой она до сих пор остается предметом острых дискуссий. По мнению некоторых литераторов (К. Чуковский, Н. Заболоцкий, М. Волошин, В. Брюсов) яркая творческая индивидуальность Бальмонта приводила к тому, что он оказался не способен отразить в переводах индивидуальность другого поэта. Он «преобразовывал переводимых им поэтов на свой лад, произвольно сообщая им бальмонтовскую напевность, внешнюю музыкальность, многословность» [11, с. 46].

При этом многие критики (Е. Эткинд, В. Орлов, А. Даллакян) отмечают, что переводя поэтов, близких по творческой манере, Бальмонт достигал больших успехов. Так А. Блок высоко ценил его переводы из Э. По, Б. Пастернак признавал заслугу Бальмонта-переводчика Шелли. Дух английской поэзии, по мнению Н. Любимова, был ближе всего Бальмонту. Неслучайно именно переводы из английской поэзии (Шелли, Уайльда, Э. По) считаются вершиной переводческой деятельности Бальмонта: «Английская поэзия родственна поэзии Бальмонта... Тут мы имеем дело со слиянием индивидуальности

поэта-переводчика с индивидуальностями поэтов, которых он воссоздал на русском языке» [9, с. 260].

В иноязычной поэзии Бальмонт искал, прежде всего, то, что наиболее соответствовало его творческой индивидуальности. «Не счастье ли – найти клад, не высокая ли радость – прочесть неожиданно, в подлиннике, на чужом и на близко-родственном языке то, о чем когда-то думал сам, думал и забыл и не сумел выразить» [5, с. XIX].

В творчестве Уайльда, в котором Бальмонт видел предшественника новой символической поэзии, и особенно в его «Балладе», русский поэт, по видимому, находил много близкого себе. Как основную тему «Баллады» Уайльда Бальмонт выделил страдания, на которые обрекает людей тюрьма, и страх смерти, таким образом, верно уловив философское содержание произведения. Он называл «Балладу» «единственным по силе воплем человеческой души перед ужасом смертной казни» [4, с. 11].

Лейтмотив «Баллады» – любовь, порождающая убийство, причиняющая страдание объекту любви: «Yet each man kills the thing he loves» – был характерен для оригинальной поэзии Бальмонта:

Когда любя люблю, когда любовью болен,
И тот, – другой, – как вещь берет всю жизнь мою,
Я ненависть в душе тогда сдержать неволен,
И хоть в душе своей, но я его убью [6, с. 259].

Философский план «Баллады» имел для Бальмонта первостепенное значение. Он вывел тематику произведения Уайльда на уровень общечеловеческих обобщений, преодолевая скрытый подтекст оригинала – отражение личной драмы его создателя. Так в приведенном ниже шестистишии Уайльд использовал местоимения *we* и *some*, подчеркивая, что его личная трагедия воспринималась через осознание его общности с другими узниками Редингской тюрьмы. Для Бальмонта оказывается несущественной частная драма поэта, он напрямую обращается к общечеловеческому смыслу текста, заменяя местоимения *we* и *some* менее определенными *кто* и *каждый*:

And thus we rust Life's iron chain	Цепь жизни ржавая, каждый жалкий
Degraded and alone	Принижен и забит, –
And some men curse, and some men weep,	И кто клянет, и кто рыдает,
And some men make no moan:	И кто всегда молчит.
But God's eternal Laws are kind	Но благ Закон бессмертный бога:
And break the heart of stone [12, p. 17].	Он камень душ дробит [10, с. 15].

У Уайльда «вечный закон Бога» существует не просто для всех людей, но в первую очередь для таких, как он узников. Создавая русский эквивалент философской концепции произведения Уайльда, Бальмонт усиливает общефилософский смысл баллады. В целом, из 25 строф оригинала, имеющих сложное философское содержание, только 3 переведены Бальмонтом с изменениями, суть которых в усилении их общечеловеческого смысла.

Анализ приведенного отрывка на лексическом уровне выявляет примеры «вольного» обращения с подлинником, в котором нередко упрекали Бальмонта-переводчика: он опускает в своем переводе лексемы «iron», «alone»; вводит синонимичный ряд «принижен, забит, жалкий» вместо английского «degraded»; вместо английского «make no moan» (жаловаться, издавать стон) у Бальмонта «молчит»; вместо «break the heart of stone» (разбить каменное сердце) Бальмонт предлагает свой вариант «камень душ дробит» – образ в духе поэзии модернизма, чуждый поэтической системе О. Уайльда. Чтобы передать тяжелую, гнетущую атмосферу тюрьмы Уайльд использовал повтор лексемы «and», и Бальмонту в четырех из шести случаев удается сохранить ее.

Следует отметить, что «Баллада» Уайльда построена на рефренах, за счет которых создается эмоциональный, психологический эффект. Автор буквально пронизывает ими всю ткань «Баллады», используя их, как и авторы народных баллад, с целью постепенного нагнетания драматизма повествования. В большинстве случаев Бальмонту удается точно отразить повторы подлинника:

And strange it was to see him pass	И странно было знать, что мог он
With a step so light and gay,	Так весело шагать,
And strange it was to see him look	И странно было, что глазами
So wistfully at the day,	Он должен свет впивать,
And strange it was to think that he	И странно было знать, что должен
Had such a debt to pay [12, p. 7].	Такой он долг отдать [10, с. 5].

Еще одна важная особенность подлинника – его цветовая гамма. Жизнь тюрьмы изображена Уайльдом в черных, серых, красных тонах, которым противопоставляется белый и синий цвета, связанные с мечтой о вольной жизни. Цветовые эпитеты мы встречаем уже в первых строках баллады Уайльда: красной одежде в час убийства противопоставлена серая одежда заключенного. Эта динамика цветовой гаммы отражена в переводе Бальмонта:

He didn't wear his scarlet coat,	Он не был больше в ярко-красном,
For blood and wine are red,	Вино и кровь он смыл,
And blood and wine were on his hands	Рука в крови была, когда он
When they found him with the dead,	С умершей рядом был,
He walked amongst the Trial Men	И вот он шел меж подсудимых,
In a suit of shabby gray [12, p. 5];	Весь в серое одет [10, с. 2].

В целом переводчик сохраняет цветовую гамму оригинала, но количество употребляемых цветовых эпитетов несколько снижается: в оригинале они используются 27 раз, у Бальмонта 23. Сокращение происходит в результате склонности Бальмонта расшифровывать символическое значение образов, что характерно для многих его переводов.

Переводческий субъективизм Бальмонта в наибольшей степени проявился в передаче стилистических особенностей оригинала. Если язык оригинала прост, близок к разговорному, то для перевода Бальмонта характерна тенденция к стилистической завышенности, стремление «приукрасить» текст. Так, описание казни носит у Уайльда подчеркнуто рутинный характер:

They hanged him as a beast is hanged:
They did not even toll
A requiem that might have brought
Rest to his startled soul,
But hurriedly they took him out,
And hid him in a hole [12, p. 15].

Бальмонт придает этому отрывку торжественное звучание, идя по пути подмены индивидуального стиля автора оригинала своим собственным поэтическим стилем:

Он как животное – бездушно –
 Повешен ими был.
Над ужаснувшейся душою
 И звон не прозвонил.
Они его поспешно взяли,
 Зев ямы жертву скрыл [10, с. 13].

Несмотря на то, что переводческая личность Бальмонта оказывала сильное влияние на оригинал (отсюда примеры вольного обращения с подлинником), переводчик сумел отразить основные структурные характеристики «Баллады»: повторы, цветные эпитеты. Сохранены и главные элементы формы: довольно точно переданы строфика и размер оригинала.

Сосредоточившись на философском содержании «Баллады», Бальмонт позволял себе отступить от формы оригинала, принося ее в жертву содержанию. Наряду с этим существует много примеров лексически точного перевода, близкого к подстрочнику.

Можно по-разному оценивать переводы Бальмонта. Однако вклад его в развитие художественного перевода бесспорен. Он смог уловить поэтическое настроение Уайльда, передать «дух» оригинала, что позволило читателю проникнуть в его поэтический мир. Где-то ему удавалось говорить голосом Уайльда, а где-то помимо английского автора звучал и голос самого Бальмонта, так как лирика

Уайльда явилась для него поэтическим материалом для проявления собственных творческих позиций.

Бесспорным является и вклад Бальмонта в процесс взаимодействия культур, взаимосвязи и обогащения национальных литератур: его перевод расширяет границы оригинала, вводя его в иноязычное культурное пространство, способствует приобщению национальной культуры к мировым литературным ценностям.

Литература

1. Айхенвальд Ю. Литературные заметки. Русская мысль. Москва: 1908. № 5. С. 160–176.
2. Анчурова Т. Брюсов-критик (статьи о Брюсове и Бальмонте). Брюсовские чтения, 1971. Ереван, 1973. С. 244–269.
3. Бальмонт К. Избранное. Москва: Искусство, 1990. 556 с.
4. Бальмонт К. О любви. Уайльд О. Саломея. Москва: Художественная литература, 1903. С. 3–11.
5. Бальмонт К. Предисловие. Вирхлицкий Я. Избранные стихи. Прага, 1929. С. II–XX.
6. Бальмонт К. Стихотворения. Ленинград: Советский писатель, 1969. 351 с.
7. Берг Н. Поэт добра и зла. Литературная характеристика О. Уайльда. Вестник литературы. 1905. № 24. С. 70–83.
8. Лотман Ю. О. Уайльд. Биография-характеристика. СПб, 1913. 56 с.
9. Любимов Н. О переводах Бальмонта. Русские писатели 20 в. Биографический словарь. Москва: Прогресс, 2000. С. 260–263.
10. Уайльд О. Баллада Редингской тюрьмы. Москва: Художественная литература, 1904. 49 с.
11. Эткинд Е.. Русская переводная поэзия XX века. Мастера поэтического перевода. Санкт-Петербург, 1997. С. 6–47.
12. Wilde O. The Ballad of Reading Goal. London, 1897. 27 p.

Анотація

Ж.О. Кононова. «Балада Редінгської в'язниці» О. Уайльда в перекладі К. Бальмонта

Стаття присвячена вивченню проблеми сприйняття поезії О. Уайльда національними літературами країн світу. На основі аналізу «Балади

Редінгської в'язниці» та її перекладу, виконаного К. Бальмонтом, простежується співвідношення ідейно-філософських поглядів і поетики англійського та російського поетів. Предметом вивчення є проблема передачі жанрообразуючих ознак, а також способів відтворення перекладачем єдності форми і змісту на новому мовному матеріалі. Першорядним для Бальмонта є філософський план «Балади», який він виводить на рівень загальнолюдських узагальнень. Бальмонт відображає основні структурні характеристики «Балади» – повтори, колірні епітети; зберігає головні елементи форми – строфику, розмір оригіналу. Аналіз на лексичному рівні виявляє приклади «вільного» поводження з оригіналом; найбільшою мірою перекладацький суб'єктивізм Бальмонта проявляється в передачі стилістичних особливостей оригіналу. Зосередившись на філософському змісті «Балади», Бальмонт нерідко відступає від форми оригіналу. Хоча існує багато прикладів точного, близького до дослівнику перекладу, головним для Бальмонта-перекладача є відтворення поетичного світу першотвору, поетичного настрою О. Уайльда.

Ключові слова: діалог культур, національна самобутність, авторський стиль, типологічні риси, ідейно-філософський зміст, жанрообразуючі ознаки.

Анотація

Ж.А. Кононова. «Баллада Редингской тюрмы» О. Уайльда в перекладі К. Бальмонта

Стаття посвячена изучению проблемы восприятия поэзии О. Уайльда национальными литературами стран мира. На основе анализа «Баллады Редингской тюрмы» и ее перевода, выполненного К. Бальмонтом, прослеживается соотношение идейно-философских взглядов и поэтики английского и русского поэтов. Предметом изучения стала проблема передачи жанрообразующих признаков, а также способов воссоздания переводчиком единства формы и содержания на новом языковом материале. Первостепенным для Бальмонта является философский план «Баллады», который он выводит на уровень общечеловеческих обобщений. Бальмонт отражает основные структурные характеристики «Баллады» – повторы, цветные эпитеты; сохраняет главные элементы формы – строфику, размер оригинала. Анализ на лексическом уровне выявляет примеры «вольного» обращения с подлинником; наибольшей степени переводческий субъективизм Бальмонта проявляется в передаче стилистических особенностей оригинала. Сосредоточившись на философском содержании «Баллады», Бальмонт нередко

отступает от формы оригинала. Хотя существует много примеров точного, близкого к подстрочнику перевода, главным для Бальмонта-переводчика является воссоздание поэтического мира подлинника, поэтического настроения О. Уайльда.

Ключевые слова: диалог культур, национальная самобытность, авторский стиль, типологические черты, идейно-философское содержание, жанрообразующие признаки.

Summary

Zh.A. Kononova. «The Ballad of Reading gaol» by O. Wilde in K. Balmont's translation

The article is devoted to the problem of perception of O. Wilde's poetry by national literatures of different countries. Based on the analysis of «The Ballad of Reading Gaol» by O. Wilde and its translation by K. Balmont, the correlation of ideological and philosophical views and poetics of English and Russian poets is traced. The problem of reproducing genre-forming features of the original, as well as recreating the unity of form and content on a new linguistic material is the subject of the research. The philosophical implication of the «Ballad» which is brought to the level of universal generalizations is of principal importance for Balmont. He reflects the basic structural characteristics of the «Ballad» – repetitions, color epithets; keeps the main elements of the form – the stanza, the size of the original. Analysis on the lexical level reveals the examples of «free» treatment of the original; Balmont's subjectivism mostly manifests itself in his reproducing stylistic features of the original. Focusing on the philosophical content of the «Ballad», Balmont often disregards the form of the original. Despite the fact that there are many examples of accurate, word for word translation, the main thing for Balmont as a translator is to recreate the poetic world of the original, poetic mood of O. Wilde.

Key words: dialogue of cultures, national identity, author's style, typological features, ideological and philosophical content, genre-forming features.

Інформація про автора

Кононова Жанна Олександрівна – кандидат філологічних наук, доцент кафедри англійської філології, докторант кафедри світової літератури Харківського національного педагогічного університету імені Г.С. Сковороди; вул. Валентинівська, 2, м. Харків, Україна, 61168; <http://orcid.org/0000-0002-9028-171X>